

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Ёб свою мать

(полный текст) идеясмену, благо был выбор, упробив соседку присматривать за Олегом в её отсутствие. Выбрала самую вредную горячую сетку, смена в которой длилась всего шесть часов. Личную жизнь она пыталась устроить — один раз: когда Олег пошёл в первый класс, Ира познакомилась с мужчиной. Она привела его в дом, познакомила с сыном, а Олегу сказала: — Этот дядя будет жить с нами и будет как папа.

Ночью, дождавшись ровного дыхания мальчика за ширмой, новоявленный папа залез на Иру. Но, как только кровать стала поскрипывать, мальчик подал голос: — Мааа, я спаать хочу..

Они замерли, затаив дыхание.

Через полчаса предприняли ещё одну попытку и снова голосок из-за ширмы — Мааа, я спаать хочу..

Когда мальчишка вякнул в третий раз, терпение будущего папы лопнуло, как мыльный пузырь — Щенок, да он издевается!

Ира напряглась как струна и застыла с каменным лицом — Уходи

Несостоявшийся папаша молча оделся и, открыв дверь, бросил — Ну, и ебись со своим выродком.

С того дня мужчин в квартиру она больше не приводила.

Глава вторая Эгрегор

В деревне был дурачок. Все звали его Ванька-дурак, а настоящего имени не знал никто. Жил у бабки Матрёны, которая приютила его ещё мальцом, когда, сторевшую в одночасье от белой горячки мать, отнесли за нефтебазу. А кто отец дурачка не знала, наверное, и мать.

Дурачок был немой, безобидный и тихий, белобрысый с улыбкой, будто приклеенной к губам. Но улыбка не скрашивала лица, обезображенного оспинами и вообще придавала ему какой-то зловещий оттенок. Матери и бабки даже пугали непослушных ребятишек: — Вот ужo позову Ваньку-дурачка он тебе улыбнётся.

Помогал Матрёне по хозяйству да ухаживал за лошадьми в конюшне. Лошади не шарахались, когда он заходил в стойло и убирал; было ему тридцать лет.

Мужики и парни дурачка недолюбливали и вот почему: когда дурачок приходил в общественную баню, мужики с завистью поглядывали на его хуй, свисающий чуть ли не до колен. Кожа на его члене была белой, как и всё тело, а значит хуина ещё ни разу не кунался во влагалище.

В выходные мужики иногда забавлялись с дурачком, дав ему выпить самогона или водки. Захмелевший дурачок становился буйным и, с налитыми кровью глазами, лез в драку.

Мужики сначала толкали его, посмеиваясь, дурачок свирепел, свирепели мужики и всё заканчивалось избиеием несчастного, будто мстили ему за его достоинство.

В тот день Ира возвращалась с вечерней дойки. Закончив школу, в пединститут не прошла по конкурсу и, вернувшись домой в деревню, помогала матери, работавшей на ферме дояркой.

Она шла мимо клуба, когда парни в очередной раз забавлялись с дурачком. Увидев, как они, остервенело пинали его, повалив на землю, кинулась к ним с криком и стала отталкивать.

Понемногу успокаиваясь, парни один за другим уходили, а последний, Федька, сватавшийся к ней, но получивший отказ, уходя, бросил — Ну ну, пожалей его, пожалей, он тебя живо

оприходуется.

Дурачок, весь в пыли, с разбитыми в кровь губами, лежал ничком и мычал.

Ира осторожно тронула его. Он вздрогнул, как от удара и вскинулся, вращая глазами, схватил её за плечи, повалил на землю и стал душиить. Когда у неё перед глазами замелькали жёлтые всполохи, он отпустил шею и стал задира́ть подол платя́. От удушья, тело было скованно и пропал голос, а он уже стягивал с неё трусы. Потом спустил свои портки, и она почувствовала между ног что-то тупое и толстое. Из его рта капала слюна, смешанная с кровью. Ира в ужасе смотрела в его лицо, стараясь поймать взгляд. Наконец он встретился с её глазами, замер на мгновение, дико вскрикнул, вскочил и убежал, скуля, как побитый щенок.

Ира дёрнулась и проснулась. Простынь под нею была мокрой.

Кто и как узнал о случившемся, но вскоре по деревне поползли слухи, что дурачок изнасиловал Ирку. Когда сплетни дошли до матери, она осторожно выпросила у дочери и та рассказала, что было на самом деле. Мать успокоилась.

Через год, отработав в школе в группе продлённого дня, она снова уехала поступать в пединститут, опять не добрала баллов и в деревню не вернулась. Устроилась на работу в НИИ (научно-исследовательский институт), где и познакомилась с Ромкой.

Когда вернулась в деревню с двухлетним сыном на руках, бабка, взяв внука на руки и, взглядевшись в его лицо пробормотала: видать не сплетни-то были. Ира сначала не поняла о чём это мать, а когда дошло — холодный пот заструился по спине: необъяснимым и непостижимым образом в чертах лица сына проступал лик дурачка.

...

На кирпичке Иру ценили за ответственное отношение к работе и через два года она стала бригадиром смены. Директор из личного фонда выделил ей однокомнатную квартиру, как матери-одиночке.

В квартиру они заселились в лето, когда Олег пошёл в первый класс.

Мальчик занимался онанизмом, и узнала она об этом, когда ему было пять лет.

В журнале «Работница» ей попала статья об онанизме у мальчиков в раннем возрасте.

Вечером того дня, она подошла к кровати сына: он спал с руками под одеялом. Она осторожно приподняла одеяло, его ручки были в трусиках в области паха. Всё, что она могла сделать, перед сном подойти к сыну и уложить его руки поверх одеяла. В пятилетнем возрасте у мальчика не было чувства стыда, но уже была хитрость: притворившись спящим, он дожидался, когда мать заснёт, и снова трогал писюльку.

В школе Олег учился ровно; отличником не был, но без троек.

С классом, из-за его внешности, в чертах лица было что-то отталкивающее, отношения не сложились. Несколько раз мальчишки дрались с ним.

На классных вечеринках, девчонки упорно не хотели с ним танцевать.

На восьмое марта, в седьмом классе, оставшись после уроков в школе, поздравили девчонок и устроили танцы. Когда Олег пригласил на белый танец Верку, в которую был влюблён, она, оттолкнув его руку и, скривив губки, сказала: — Отстань от меня, Квазимода.

Олег вздрогнул, показалось даже музыка стихла, кто-то захихикал, потом заржали все.

Он толкнул Верку — Ддура — и пошёл из класса.

На улице его окликнул Вовка — Постой, Олежа, поговорить надо

— Не о чём говорить

— Ты мою девушку обидел

Он подошёл к Олегу вплотную, а сзади зашёл кто-то из ребят и встал на колени. Вовка резко толкнул Олега и он, споткнувшись о стоявшего на коленях, упал навзничь. Подскочили ещё двое, и они стали пинать Олега.

Летом, перед восьмым классом, Олег сильно вытянулся и раздался в плечах. Когда пришли 31 августа на перекичку он был на голову выше самого высокого одноклассника.

В конце сентября, на уроке истории, Вовка, стоя у доски, плавал как утка. Ему подсказывали, он прислушивался и повторял. Когда ляпнул невпопад, все засмеялись. Олег тоже усмехнулся. Вовке вкатили кол, а после уроков он, с друзьями, остановил Олега.

— Слышь, Квазимода, а чё ты смеялся на уроке?

Олег посмотрел на Вовку в упор и ответил: — Потому что смешно было, и ты был смешон.

Они набросились на него гурьбой. Расшвыряв одноклассников, как котят, Олег спокойно, но с угрозой, сказал: — В следующий раз руки-ноги переломаяю — повернулся и пошёл.

У мальчишек поджилки затряслись, но не от его слов: от его взгляда.

После этого, в открытую с ним уже не конфликтовали, а только гадили исподтишка, да насмехались за спиной.

...

Наша драматическая история подходит к событию, которое сместит традиционные ценности наших героев, а в их души войдёт неведомое, и покроет их пятнами, как ржавчина покрывает металл.

Глава третья Лик Смерти

Вороной белой был в миру, Но в мир иной мне было рано; Я знал, что это не к добру, Уже сочились кровью раны.

Срывал я маски, но лицо, Так и осталось искажённым; Хоть я и не был подлецом, Но оставался прокажённым.

Я свою душу оголял, Срывая дряхлые лохмотья; Я шкуру старую сдирал, Но обнажался только плотью.

Летать учился я во сне, Но делал это неумело; Пока жива душа во мне, Не отделить её от тела
В десятом классе к ним пришла по распределению новая учительница по литературе. Её же назначили классным руководителем.

Ирина Архиповна Кобылянская — молодая, симпатичная женщина, ростом под метр восемьдесят, с шикарным бюстом и широченными бёдрами.

Все мальчишки разом влюбились в неё и половина из них, как минимум, мастурбируя по ночам, представляли её в своих эротических фантазиях.

Олег же, напротив, перестал дрочить; полагая, что незамутнённый лик Любви, несовместим с похотливыми помыслами.

Как-то она задала им сочинение на дом на свободную тему.

На очередном уроке, она, стоя у стола и, положив правую руку на стопку тетрадей, стала разбирать их сочинения. Кого-то похвалила, кого-то пожурила, а потом, взяв верхнюю в стопке тетрадь, подняла её и, показывая классу, сказала: — Свиридову Олегу я поставила пять/пять, больше никому. Пять по русскому и пять по литературе; за лаконичность формулировок и краткость. А краткость — сестра таланта.

Она улыбалась ему.

Олегу хотелось, конечно, быть в центре внимания, но, оказавшись в нем, весь класс смотрел

на него, он застеснялся.

...

Закончили десятый класс. Сдали экзамены.

На выпускном балу Олег пригласил классную на танец, и она вальсировала с ним.

Когда объявили небольшой перерыв, все высыпали на улицу из душного школьного зала.

Ирина Архиповна курила, хотя ей делали замечания другие учителя и директор.

Мальчишки, встав полукругом, слушали её рассказы о весёлой студенческой жизни.

Когда выпускники из других классов потянулись в школу, она сказала:

— Ну, ладно мальчишки, вы идите, а я ещё постою — и повернула голову в сторону туалета.

Мальчишки стайкой ушли, Олег задержался.

— Ты тоже... по нужде остался? — она выпустила дым — Иди, я ещё покурю.

— Ирина Архиповна — он протягивал ей свёрнутый листок

Держа в левой сигарету, она взяла листок правой и встряхнула, разворачивая, затянулась и прочла:

Она письмо мне написала,

И в нём немного было слов:

Из Блока несколько стихов..

Ну, что ж — и этого немало.

И я ответил бы стихами,

И спел бы песню о любви,

Любви, которая как клятва

Меж закадычными друзьями,

Сердца скрепляет на крови.

Я всё такой же, объяснимый;

Немного странный и ранимый

От слов твоих, порой до слёз.

Всё жду, когда же образ милый

Прекрасный и неповторимый

Войдёт в обитель моих грёз.

— Хм, неплохие стихи. Интересно, кто тебя вдохновил, кто же эта прекрасная незнакомка, объект твоих вздыханий, Ромео?!

Он молчал, боясь даже взглянуть на неё и изо всех сил стараясь отвести взгляд от разреза на её юбке.

Она с усмешкой смотрела на него: — Неужели ты думал, что я, прочитав стихи, брошусь в твои объятия, ты что возомнил себе, Квзимодо?

Бросив сигарету в траву, демонстративно медленно рвала листок и, держа клочки в ладонях вытянутых рук, перевернула. Ещё раз усмехнулась и ушла.

...

В этот день у Иры, с самого утра было какое-то странное, нехорошее предчувствие.

Проводив Олега на выпускной, стала собираться на работу, во вторую смену. Она ходила по комнате и, как слепая, натыкалась то на кресло, то на ширму. То вдруг ловила себя на том, что сидит на кровати и отрешённо смотрит в окно.

Выйдя на площадку долго рылась в сумочке, ища ключ, зашла в прихожую и обшарила тумбочку. Ключа не было. Она глянула в зеркало — «Дурацкая примета» — ключ был в руке.

В цехе, сменщица Татьяна, увидев её, даже испугалась — Ира, что случилось, на тебе лица нет?

— Не знаю, мутит что-то вот здесь — она приложила руку к груди

— С Олегом что-то?

Её будто током ударило: гулко застучала кровь в висках, а лицо вспыхнуло, как от ожога — Олег!!

— Таня я сбегая домой, что-то неладно — говорила она уже на ходу.

Квартира была на втором этаже, она бежала через две ступеньки. Долго не могла трясущимися руками попасть ключом в замок и, наконец, открыла.

...

Олег стоял несколько минут, ничего не слыша и не видя. Наконец, придя в себя, медленно пошёл, куда глаза глядят. Очнулся на площадке перед дверью своей квартиры.

Когда открывал дверь, что-то перевернулось в сознании, и он увидел себя откуда-то сверху за спиной, со стороны правого плеча. Он видел, как он вошёл в прихожую... закрыл дверь на ключ... положил ключ на тумбочку... разулся... прошёл в ванну... тщательно и долго мыл руки... вышел на балкон... снял бельевую верёвку... сложил её вдвое... вышел из комнаты... закрыл дверь... сделал петлю... накинул на шею... встал на колени... привязал другой конец верёвки к ручке... он смотрел на дверную ручку, на верёвку, тянущуюся к ней от шеи, верёвка была длинная и он перевязал, оставив не больше тридцати сантиметров, несколько минут стоял, ничего не видя перед собой и стал заваливаться на бок, петля, затягиваясь, впивалась в кожу на шее, причиняя жгучую боль и от боли он пришёл в себя и испугался... дёрнулся вверх, опираясь руками о пол, но дальше произошло что-то ужасное, перед глазами возникла чёрная пелена и из этой пелены высунулся уродец с омерзительной харей и ткнул в лицо пылающим факелом, он инстинктивно вскинул руки, защищаясь и повис на петле, затягивая её своим весом, снова дёрнулся вверх, опираясь руками, уродец высунулся и ткнул факелом в лицо..

...

Олег, с посиневшим лицом и, вздувшимися венами на шее, хрипел и бился в петле, отталкивая что-то от себя руками. Она метнулась к нему и, подхватив, рывком приподняла и, удерживая одной рукой, другой ослабила петлю. Он стал приходить в себя, и она развязала узлы на ручке и сняла с его шеи верёвку.

Произошедшее, так сильно напугало её, что она, позвонив на работу и сказав, что заболела, попросила отпуск на три дня в счёт отгулов.

Она никому об этом не рассказала. О том, что нужно бы сходить к психиатру, даже и мысль не промелькнула.

После случившегося, Олег, и без того неразговорчивый, замкнулся и ушёл в себя.

Несколько раз, Ира пыталась с ним поговорить, но Олег, молча ложился на свою кровать и отворачивался к стене.

Утром, на третий день, когда она за ширмой заправляла свою кровать, Олег сказал: — Ты иди на работу, не бойся, глупостей больше не будет.

Она застыла с одеялом в руках, по щекам струились слёзы.

...

Через две недели пришла повестка из военкомата на призывную комиссию. Олегу в сентябре исполнялось восемнадцать лет.

Комиссия признала годным к строевой и зачислила в ВДВ.

Олег настроился на службу, но Ира, насмотревшись репортажей о дедовщине и, наслушавшись ужасиков от матерей, сыновья которых служили, решила, что сына в Армию не отпустит.

Шла вторая Чеченская.

Ира записалась на приём к военкому.

...

Стареющий, полнеющий и лысеющий, с круглыми, как у хорька, похотливо бегающими глазками, военком сидел в кресле, когда в кабинет, без стука, вошла женщина.

Закрыв за собой дверь, она повернула защёлку, шагнула к столу и, бросив на него упаковку презервативов, стала раздеваться.

Подполковник тарачился, разинув рот: перед ним стояла обнажённая женщина, невысокая, но с фигуркой, словно точеной, с идеально-округлыми формами, жгучая брюнетка с глазами, зелёными как изумруд, обжигающими ледяной неприступностью.

— Кармен — пролепетал он, сползая с кресла и, опустившись на четвереньки, пошёл к ней.

...

Время было мутное, люди бес чести. Он поимел её и забыл, о чём обещал.

В конце сентября пришла боевая и через две недели, Олег, вместе с другими новобранцами, ехал в поезде в учебку, куда-то под Псков.

Глава четвёртая Инцест

Три месяца в учебке, присяга и он на Северном Кавказе в роте разведки. Здесь он подружился с Серёгой.

Как это нередко бывает, подружались два человека, абсолютно несхожие характерами: Олег — молчаливый, даже угрюмый и немногословный и Серёга — рубаха парень, балагур и весельчак. Их часто можно было увидеть вместе: Серёга что-то рассказывает, размахивая руками, то сядет, то встанет пройдётся и Олег, сидит, слушает и молча улыбается.

Война.

Неподготовленная к ужасам войны, неокрепшая психика пацанов не выдерживала: кто-то напивался до чёртиков и поросычьего визга, кто-то, обкурившись, погружался в блаженный дурман, а кто-то молча сходил с ума, скрипя зубами и наливаясь злобой ко всем и вся.

Олег не пил, к наркоте не пристрастился, только копились в душе ожесточение и злоба, не находя выхода даже в боях.

Взвод прочёсывал зелёнку в поисках схронов и напоролся на засаду. Лейтенант, понимая, что перестреляют всех за полчаса, принял решение прорываться. Прорвались трое и, уходя от преследования, отстреливаясь, подорвались на растяжке.

Олег лежал. Высоко в небе парил коршун. Они приближались, переговариваясь.

Короткая очередь, другая и в него уставился чёрный глаз автомата в руке бородача.

В следующее мгновение, бородач, прошитый очередью, валится на землю рядом с ним.

Боевики отступают, отстреливаясь. Спецназ подоспел.

Погиб Серёга, погиб лейтенант, погиб взвод. Олега, тяжело раненого, но живого, вынесли и отправили в госпиталь.

...

Ужас войны вошёл и в её жизнь. Она прислушивалась к шагам на лестнице, с замиранием сердца входила в подъезд и обмирая от страха приближалась к почтовому ящику. Но писем не

было. Смотрела новости, но как только начинались сводки оттуда, выключала телевизор и падала в подушку. Так и засыпала. Звонила в военкомат и дежурный всегда отвечал одно и то же: ваш сын проходит службу на Северном Кавказе, с ним всё в порядке. Немного отвлекалась на работе, заменяя и подменяя работниц, лишь бы только не сидеть в квартире, одной, в ожидании.

Был как раз тот день, в мае, никого не надо было подменять, и она была дома. Зазвонил телефон. Она долго не брала трубку, надеясь, что звонок оборвётся. Но звонок повторялся и повторялся, и повторялся, и она взяла трубку — Алло

— Алло, Ирина Алексеевна?

— Да

— Свиридова?

— Да

— Дежурный, лейтенант Акимов, я по поводу вашего сына

Она медленно оседала на пол — Что с ним?

— Сейчас уже всё нормально, он был ранен, тяжело, но сейчас пошёл на поправку. Алло, вы слышите?

— Да, да, где он?

— В Ростовском госпитале. Его демобилизовали по ранению, вы можете приехать и забрать сына домой. В госпитале вам в помощь дадут двух санитаров, для доставки сына домой. Расходы на проезд оплатит Министерство Обороны. Можете оформить билеты через военкомат, но это будет долго, либо можете купить билеты и потом прийти с ними в военкомат.

...

Всё было как в тумане. Поездка в Ростов. Поездка назад. Она была благодарна двум мальчишкам, санитарам; без них, не смогла бы справиться.

Но всё позади и сын, хоть и в бинтах, но в сознании и дома.

Перед нею не стояла проблема, как обращаться с сыном; вызывать медсестру или сиделку, нет, она сразу решила, всё будет делать сама: ходить за ним, менять бинты и обрабатывать раны, мыть его.

Она оформила очередной отпуск и с отгулами вышло 36 дней.

Первую неделю было сложно с туалетом: пописать было просто, она помогала ему сесть и держала ковшик, поддерживая и направляя член, чтобы не разбрызгивалась моча. Он сам ей сказал, что нужно оттягивать крайнюю плоть и тогда струя мочи не будет разбрызгиваться. Чтобы покакать, она помогала ему встать на колени и ставила тазик между ног.

Ей не было противно, ей не было стыдно: — С какой стати — говорила она, сама себе — я обихаживала сына, когда он был грудным и беспомощным, ну и что с того, что он вырос? Для матери, её сын остаётся ребёнком, даже если у него есть внуки.

Первый раз она мыла его прямо в кровати: протирала полотенцем, смачивая в горячей воде из тазика.

Второй раз помыла уже в ванне под душем: Олег сидел в ванне, а Ира намыливала его и поливала из лейки.

На второй неделе она, придя из магазина, сказала: — Встретила твою учительницу, классную вашу в десятом. Спрашивала про тебя — Ира помолчала и добавила — прощения просила, я правда так и не поняла за что?

На лицо Олега набежала тень, но он быстро справился с собой — Мне тоже непонятно, за что. — Ну и ладно. Я взяла вина, когда сможешь ходить самостоятельно, мы выпьем с тобой за твоё возвращение и выздоровление. Пойду ужин приготовлю.

Ночью Олег лежал без сна: одни воспоминания вытеснялись другими и, сам не заметив, как, он стал поглаживать член, перед внутренним взором встала учителька, и он стал дрончить, представляя её. Он задышал, когда изливалась сперма.

Ира спала, но прерывистое дыхание Олега слышала, встала и, не включая свет, подошла к кровати сына.

Он изливал, закрыв от наслаждения глаза, а она, увидев, как брызжет сперма, подумала: «Надо будет постирать постельное завтра».

В это мгновение он увидел её, дёрнулся, пытаясь подтянуть одеяло, но передумал.

Накопившаяся злость там, здесь трансформировалась в похоть, истекая спермой, а подсознание, извращённая вещь в себе, подсунуло образ другой женщины, другой Иры.

Та была где-то там — эта была рядом. Та была большая — эта маленькая, но, по сравнению с красотой этой, та выглядела дурнушкой.

— Принеси полотенце

Она принесла полотенце и стала вытирать, обтирая член и промокая простынь. Она была в ночнушке, Олег лежал голый.

— Ты же целовала меня, когда я был маленький, целовала везде..

— Да

— Ну, поцелуй

Ира наклонилась к его лицу

— Нет, я имел ввиду там и там — он взял её руку и коснулся ею члена и ягодиц

— Олег — она потянула руку, но он удержал

— Ира, поцелуй, я хочу, чтобы ты поцеловала

Ира застыла, не вполне понимая, что происходит. Нет — она не испугалась и даже и не видела ничего предосудительного или постыдного в его просьбе. Но всё было неожиданно и сделать это, подчинившись просьбе сына, мешал какой-то барьер внутри, препятствие или запрет, или табу, через которое нужно было перешагнуть.

— Ира, целуй, я скажу за что она — его голос дрогнул — просила прощения. Я, тогда, из-за неё... — он не смог договорить, горло перехватил спазм, как будто на шее затягивалась петля. Перед её глазами, словно кадры киноплёнки, замелькали сцены того жуткого дня, холодный ужас заползал в душу, она наклонилась и, поддерживая пальчиками член сына, чмокнула в головку.

Глава пятая Инцест

Он не называл её мамой, матерью.

С того дня, когда она пришла за ним в садик после лечения, Олег стал называть её по имени: Ира.

— Ещё, целуй, там — она поцеловала его в ягодицу.

Член Олега стал возбуждаться — Я хочу тебя — он держал её за руку

Ира потянула руку — Нет, Олег, нет, нельзя

— У тебя кто-то есть, кто-то был?

Она замотала головой — Нет... нет... нет

Член стоял и желание только одно: сделать это сейчас, чтобы забыться; слишком муторно

было воспоминание.

Она, вдруг, прочувствовала состояние сына.

Сострадание — это и любовь, и мука, и боль матери. Она ещё противилась, но мозг лихорадочно искал оправдание тому, что происходило. В голове сталкивались мысли о запрете, табу, об отношении морали, общества к подобному и о династиях фараонов, французских, да и русских царских семьях, где инцест был не редкостью.

Она потянула руку сильнее — Олег, я принесу вино

Она долго не могла открыть пробку, которая крошилась и наконец просто продавала её в бутылку. Взяв два стакана, вернулась в комнату.

Олег лежал с торчащим членом и ждал её.

Ира наполнила стаканы и помогла сыну сесть. Они молча свели стаканы и стали пить. Олег выпил вино одним глотком, залпом, как спирт. Ира пила медленно, глотками, не ощущая вкуса и запаха. — Зачем нам вино? — спросил Олег

Ира пожала плечами — Не знаю.

Она разлила остатки и выпила. Олег пить не стал и, взяв её руку притянул к члену уже обмякшему — Дрочи.

Ира обхватила член правой, а левой взяла стакан Олега и выпила вино. Она хмелела и всё происходящее уже не казалось омерзительным.

Дрочить она не умела совершенно и Олег, обхватив сверху своей, стал дрочить сам её рукой.

Ира смотрела как возбуждается член, чувствуя одновременное его наполнение кровью и твердение. Всплыли воспоминания, казалось бы, уже давно забытые, бурных ночей с Романом, вытесняя другие мысли и плоть, просыпаясь, востребовала своё: задёргалось, сокращаясь, влагалище, увлажнились соком губы и набухший похотник горел, ожидая ласки.

Ира сунула руку под ночнушку и прикоснулась пальцем к клитору, её всю передёрнуло, будто током прошило и последние остатки сомнений и запретов подавила, захлестнула волною похоть, словно воспрывшая ото сна под воздействием алкоголя.

Она опустила Олега на кровать и, осторожно встав над ним сверху на коленях, спиной к нему и, придерживая член и направляя его, насадилась пиздой, уже пропотевшей и истекающей слизью..

Олег кончил очень быстро, а Ира, опираясь руками, еблась, натягиваясь пиздой, приподнимая и опуская жопу и уже подкатило и уже близок был оргазм и уже закололо кончики пальцев, но, обмякший и опавший член сына выскользнул из влагалища и она, поддерживала его пальцами левой, но член, обвисший как тряпка, уже невозможно было ни удержать, ни засунуть... и тогда она, сдвинувшись назад и приподняв попу потянула его руку и прижав пальцы к клитору водила и вдавливала его пальцами клитор, доводя себя..

Она лежала на кровати с закрытыми глазами, но голова кружилась, и она открыла глаза

— Убери ширму, она нам больше не нужна

— Завтра, Олег

— Когда я встану купим двуспальную кровать — он помолчал — спать будем вместе, как муж и жена

Ира соглашалась, моргая глазами и погружаясь в сон

...

Утром, проснувшись ещё затемно, она сходила в туалет, а потом в ванну и когда присела подмываться, на ладонь стекли сгустки спермы, и она осознала, что может понести от

собственного сына.

Выйдя из ванны, прошла на кухню и выпила стакан воды — губы были сухие, а в горле словно короста выросла.

Она зашла в комнату и остановилась перед кроватью сына: он спал с торчащим членом — утренняя эрекция.

Хмель ещё не выветрился из её головы, но мысли не путались: «Ведь я носила его в себе и он был часть меня, он был одно целое со мною, а потом я родила его, родила часть себя и эта часть меня выросла, но ведь ничего не изменилось от того, что он стал большим, он всё равно часть меня, только живущая уже не во мне... и если его член погружается в моё влагалище, то получается, что? это часть меня соединяется со мною, становясь снова общим? а как же табу, а как же мораль...»

Она не заметила, что Олег проснулся и смотрит на неё

— Ира, я хочу

Она увидела сначала его глаза, потом всего, и потом член — торчащий и напрягшийся и, шагнув к кровати залезла на неё и, встав как вечером, натянулась и еблась, пока Олег не слил, но член стоял и она продолжила и еблась, пока не кончила и сама и, опустившись на его ноги лицом, стояла в этой позе отдыхая и он гладил её ягодицы и трогал губы липкие от слизи и спермы...

Глава шестая Соитие

Проснувшись, она вспомнила всё, что произошло, но странно — стыда не было.

Вспомнив своё суждение в оправдание себя, своего поведения, она ещё раз осмыслила это и не нашла возражений.

Ира встала и подошла к сыну. Он спал. Она пошла в туалет, затем в ванну под душ.

Когда она, выйдя из ванны и обвернувшись полотенцем вошла в комнату, Олег не спал и сидел на кровати.

Ира улыбнулась — Ты сам сел?! А встать пропобовал?

— Да, только голова ещё кружится. Я хочу в туалет.

Она взяла тазик и, откинув покрывало, подставила. Он сам держал член, направляя и оголив головку. Струя мочи била в дно тазика и брызги падали на её руки и даже долетали до груди и лица.

Он задержал излияние и приподнял член — Возьми!

Она поставила тазик и, приклонившись, взяла в рот и тут же ощутила солёно-горькую струю на языке и в горле. Инстинктивно сжимая глотку, разинула рот, выплёвывая мочу на пол и в тазик.

Олег сдержал излияние и сжал её голову — Нет, пей! — и стал ссать.

И она пила, наполняя рот и судорожно сглатывая и то, что не успевала проглотить, текло изо рта по подбородку на шею и грудь.

И когда моча иссякла, член возбудился и он, продолжая сжимать её голову, притянул к животу, проникая в горло и двигал ею, совершая фрикции с погружением, пока не излил и она, давясь и сдерживая рвотный рефлекс, глотала: сначала хуй, а потом сперму.

— Обсасывай!

Она обсосала и облизала хуй

— Теперь пойдём мыться. И смени постельное.

Она помыла его в ванне и, уложив на своей кровати, заменила постельное бельё.

После этого ещё раз пошла под душ.

Стояла под струями и мыслей не было в голове; только безразличие и ощущение опустошённости.

...

Днём позвонили из военкомата и сообщили в каком банке можно получить деньги Олега. Ира оформила доверенность и получила деньги.

Она купила Олегу одежду, за полгода в армии он вырос и раздался в плечах. Купила кровать и видеоплеер.

...

Кровать привезли, установили и собрали в этот же день, и вечером она легла рядом с сыном...

Олег был в депрессии: потеря друга, он ещё надеялся лёжа там, что Серёга жив, хотя и слышал две короткие очереди, но, очнувшись в госпитале, осознал с ужасающей неотвратимостью — Друга нет на этом свете. Ранение было тяжёлое, но руки и ноги целы, увы — это не радовало. Когда его привезли домой и когда Ира рассказала про ту, другую Иру, он снова ощутил своё одиночество; мать была не в счёт, с матерью он никогда не делился своими мыслями и переживаниями. И когда внутренний взгляд упёрся в черноту, из неё высунулся уродец и ткнул факелом в лицо, и его психика, пытаясь спастись от саморазрушения нашла выход в сексе. И дрожа, и фантазируя он разжигался похотью, но не было физического удовлетворения и его помутневшее от депрессии подсознание подменило образ одной, ненавистной за ту боль, что она ему причинила, другим образом, той, которая тоже причинила боль тем, что не была рядом, когда он в ней так нуждался.

...

Ира сама коснулась члена и стала гладить и хуй, наливаясь кровью встал и затвердел, и она хотела ласкать его губами, но Олег остановил её: — Я сам

Он встал на колени и поставил её раком и, сжав бёдра и впиваясь пальцами в ягодицы, притянул к себе и медленно натянул. Ира, чтобы ни о чём не думать, сосредоточилась на ощущениях; валик крайней плоти тёрся по стенкам влагалища и оно, подчиняясь физиологии, пропотевало, увлажняя стенки слизью...

Олег мямлял ягодицы и гладил её спину и, дотягиваясь до груди, сдавливал, причиняя боль и продолжая ебать, и когда пизда пропотела и хуй стал скользить во влагалище, вытянул его — Иди сюда — и Ира, развернувшись припала к хую и сосала, обильно смачивая слюной и он, проведя по спине руками обхватил её ягодицы и, раздвигая, коснулся пальцами ануса. Казалось, что анус дышит — Повернись жопой — она повернулась и он, прижав палец к анусу медленно вдавил его и, вытащив, прижался залупой — Сама натягивайся — Ира попыталась натянуться жопой, оседая, но не смогла — Мне больно! — и он, обхватив её бёдра, стал вдавливать хуй в жопу, преодолевая сопротивление сфинктера. Она закусил губу, подавляя крик и когда хуй вошёл в жопу — выдохнула со стоном. Погружая член, почувствовал, как головка уткнулась в стенку прямой кишки и, задержавшись, потянул за бёдра на себя — Ира вскрикнула от боли, и он вытащил хуй из жопы — Я устал, дальше сама будешь ебаться, отодвинься — и он лёг. Она встала над ним спиной — Нет, повернись — она повернулась и приседая, и придерживая хуй рукой, направила в жопу и медленно опускаясь, натянулась и двигала жопой сверху вниз, а он мямлял и тискал её груди и глаза были закрыты: и у него, и у неё. И когда излилась сперма, она, медленно приподнимаясь, снялась с хуя и из жопы сочилась сперма, капая ему на живот — Повернись, сядь на меня и соси — и она,

повернувшись, опустилась на его грудь, и припав к хую, взяла в рот и сосала, а он, приподняв одной рукой её жопу, пальцы другой, большой и указательный, засунул в пизду и в жопу и стал драть её — Языком, в жопу — и она, отстранившись и раздвинув его ноги лизала ему промежность и жопу — Пальцами — она, облизав пальцы, засунула ему в жопу, сначала один, а потом два. Его живот и грудь были в мазках спермы, сочившейся из её жопы — Иди сюда, облизывай — и она, повернувшись, слизывала мазки спермы с живота и груди — И там — он, руками сдвигал её к низу живота — она вылизала волосы..

Они спали: он на спине, с руками за головой, а она, свернувшись калачиком, спиной к нему. Помыться после секса, Олег, не разрешил — Утром отмоешься.

Глава седьмая Подчинение

Она проснулась.

Лежала и смотрела в пустоту, потом шевельнулась и почувствовала, что между ног волосы слиплись от засохшей спермы. Села на кровати; Олег спал с торчащим членом и Ира, невольно, улыбнулась.

Забурчало в животе, она встала и, сдерживая газы, пошла в туалет. Села на унитаз и потужилась, но вместо характерного звука выходящих газов, с бульканьем вытекла слизь и она, привстав, подтёрлась туалетной бумагой и смыв, пошла в ванну.

Мыться не стала — «ещё Олега мыть» — только подмылась; промежность и ягодицы и внутренняя поверхность бёдер — всё было покрыто коростой подсохшей спермы и слизи. Руки и губы, тоже были в коростах, и она тщательно и долго подмывалась, намыливая промежность и волосы лобка и раздвигая пальцами вульву. И, коснувшись ануса, поразилась: в дырку вошёл палец, не встретив сопротивления сфинктера. Потом отмывала лицо и чистила зубы и полоскала рот.

Вздрогнула, почувствовав взгляд — в дверях ванны стоял Олег и смотрел на неё.

— Ты сам встал и пришёл?!

— Да, по стене. Помогли — и она, поддерживая, усадила его в ванну.

— Ты уже ходила в туалет?

— Да, но...

— Ссала?

— ... Ннет

— А хочешь?

Ира полезла в ванну.

Расставив ноги, стояла над ним и ссала, раздвинув пальцами губы, а он сжимал её бёдра, притягивая к себе и когда она коснулась лобком лица, стал лизать. Потом заставил повернуться и наклониться и лизал её ягодицы и целовал в сосок в жопу.

Она тяжело дышала; ей было приятно, и сладкая истома от низа живота жаркой удушливой волной ударила в грудь и поднялась к шее. Олег прижал палец к анусу и хотел засунуть, но Ира дёрнулась — Олег, я...

— Что?

— Не какала...

— А хочешь?

— Да

— Хорошо — он снова прижал палец и...

— Не надо, Олег, не надо!

— Молчи, молчи!! Ты будешь подчиняться, а не будешь, тогда...

— Хорошо, хорошо, делай... делай, что хочешь... — она вздрогнула от струи мочи, бившей в живот и грудь, а он, засунув палец в её жопу, сделал несколько фрикций и вытащил.

Улыбаясь, смотрел на мазки кала и, взяв мать за бёдра, потянул жопой на хуй.

Проникновение не было болезненным, и Ира снова сосредоточилась на ощущениях: тело хуя тёрлось о стенки сфинктера, а залупа погружалась в говно, и она ощущала, как каловая масса совершает противоестественное движение по прямой кишке вверх, а потом вниз, за хуем, под действием напрягшейся диафрагмы и, вдруг, поймала себя на том, что процесс возбуждает её, а жопа, усиливая наслаждение, двигается навстречу хую. Сладострастие захватывало, и она уже не могла сосредоточиться на ощущениях, погружаясь в оргазм и содрогаясь от сексуального озноба, и когда пульсирующая уретра толчками стала выплёвывать сперму, она застонала, и чтобы не упасть, так дрожали ноги, опёрлась руками о края ванны.

— Ммм — замычал от наслаждения Олег и весь передёрнувшись, отпустил её бёдра.

Ира, медленно приподнимая жопу и напрягаясь, выдавливала из себя хуй и когда он выскользнул, с громкими пердящими звуками (она уже не могла себя контролировать) пошли газы, разбрызгивая говно и сперму на живот и пах Олега. Ира испуганно дёрнулась, пытаясь сдержать поток каловых масс, но сфинктер, разработанный хуем, не сокращался и говно вываливалось из жопы на ноги Олега.

Ира замерла и непроизвольно стала писать.

Олег потянул её за руку — Иди сюда — она повернулась к нему: живот и пах и бёдра Олега были в говне. Запах сероводорода распространился в ванне.

— Иди, иди сюда — он захватил её волосы и тянул вниз, к хую, уже опавшему — Давай, соси и облизывай — Ира, встав на колени между его ног, взяла хуй в рот: чуть сладковатое и на вкус напоминающее глину, говно, смешалось со слюной, обильно выделяющейся и потекло изо рта — Нет, съешь, проглоти — и она проглотила остатки жижи во рту. Он потянул за волосы вверх и ткнул носом в живот — Теперь здесь, слизывай и ешь!

Она облизывала живот и сглатывала сгустки кала и спермы; Олег, откинувшись назад, сидел с закрытыми глазами и улыбался.

Глава восьмая Грязный разговор

Когда, уходя от преследования, они подорвались на растяжке, его посеколо осколками и тяжёлым было ранение в голову. При выписке из госпиталя на руки Ирине отдали амбулаторную карту Олега с историей и направление на МСЭ*.

*МСЭ — медико-социальная экспертиза

Прошло две недели, как она привезла Олега домой.

Оформляя отпуск, надеялась только, что к концу его Олег сможет вставать с постели и обходиться без посторонней помощи. Но молодой организм быстро восстанавливался и вот Олег уже самостоятельно, без её помощи, ходит по квартире.

Всё, что происходило и, что он с ней делал, уже не пугало. Нет, она не привыкла: смирилась. Вечером, когда она подошла к кровати, чтобы лечь, Олег остановил её — Подожди, у нас есть скалка? — Ира кивнула.

— Принеси

Она пошла на кухню и вернулась со скалкой.

— Дай — он взял скалку и посмотрел на неё — Ложись — Ира легла.

— Ноги раздвинь — она раздвинула ноги

— Ночнушку сними — она сняла ночную рубашку

Положив скалку, он раздвинул вульву и, засунув во влагалище указательный палец, сделал несколько фрикции. Продолжая массировать влагалище, ладонь другой положил на её грудь и стал мять, а затем пальцами сжимать и оттягивать соски. Во влагалище он уже вводил два пальца и, чувствуя, что влагалище увлажнилось, засунул три. Интроитус расширялся, пропуская пальцы и когда он вытащил их, то увидел зияющую дыру.

Олег взял скалку и приставил тупым концом к разверстой пизде.

Ира лежала с закрытыми глазами.

Деревянная скалка, длиной двадцать пять сантиметров и четырёх сантиметров в диаметре, погружалась во влагалище. И хотя скалка была сухой, влагалище, пропотевшее слизью, заглотило её безболезненно. Олег медленно двигал скалкой вытаскивая и погружая и, засунув, оставил в пизде.

— Встань раком

Ира села и, повернувшись, встала в позу.

Олег, удерживая левой скалку, пальцем правой стал массировать анус матери и также, засунул в жопу сначала один, потом два и три пальца.

Хуй стоял, твёрдый как палка и, вытащив пальцы, он пристроил его к жопе матери и стал медленно засовывать. Но скалка в пизде, отжимала стенку прямой и хуй не лез в жопу. И тогда он потянул скалку из пизды, а хуй засунул в жопу и так ебал мать, пока не слил.

Было больно, но Ира терпела, закусив губу.

Олег лёг на кровать. Ира лежала рядом.

— Иди на пол — он сел.

Ира слезла с кровати и легла на пол. Из жопы сочилась сперма.

— Ноги подними — она подняла и он, за ноги, подтянул её и, опустив их на кровать, прижался ступнёй к промежности.

Двигал ступнёй по промежности и, прижав пятку к интроитусу, вдавил в пизду. — Ира охнула — а Олег, ступню другой поставил на её живот и водил и нажимал и, дотянувшись до грудей, водил и давил их.

— Иди сюда — он положил руку на член, всё ещё торчащий.

Ира встала на колени между ног сына и припала ртом к хую.

Олег, взяв её за волосы, двигал головой, прижимая к паху и залуца входила в горло.

Она давилась, из глаз текли слёзы.

— Говори, что-нибудь

— Хххх?

— Ну, скажи: я ёбаная в рот и в жопу

— Ваёвфана фfoxк ы фfoxу — Олег засмеялся — Ещё раз!

— Фаёвфана вfoxк ы вfoxу

Он отпустил её голову и, наклонившись, рукой пощупал жопу — там была слизь спермы.

— Посмотри, на полу есть?

Ира сдвинулась и увидела на полу лужицу спермы. Олег приставил пальцы к её губам, и она обсосала их.

— Слижи с пола. Нет! Подожди — он опустил ступню в лужицу и размазал по полу — На!

Она облизала ступню, а потом стала слизывать с пола.

Олег, большим пальцем правой ноги, тыкал её в жопу.

В животе у Иры забурчало, и Олег услышал. Ира хотела встать и пойти в туалет, но Олег остановил её — Что?

Уже столько всего непотребного было сделано, а она всё стеснялась.

— Чтоо? Пердеть будешь? Ну, давай! — и он подставил под её жопу ладонь — Сюда перди!

Ира пукнула, но вместо газов, на ладонь Олега булькнулась слизь и, растекаясь, капала на пол.

— Ешь! — и Ира слизала и проглотила сгусток слизи и кала с ладони

— И на полу — она подлизала капли с пола.

— Всё. Спать.

Глава девятая БОЛЬНОЙ

Олег проснулся раньше матери. Было 6 часов утра. Ира спала спиной к нему, свернувшись калачиком. Он потянул с неё покрывало, и она проснулась.

— Что, Олег? — она села.

Он тронул рукой, торчащий член — Хочу, в жопу

— Я же не подмытая

— Тогда пошли в ванну

Ира встала с кровати и хотела помочь — Нет, я сам

Она помогла ему залезть в ванну и хотела идти в туалет — Нет, на меня

Она ссала на него, а он, направляя и поддерживая хуй ссал на её ноги и в промежность.

Потом вылизал пизду, а Ира лизала хуй сына.

— Теперь срать! Ты же хочешь?

Олег лёг в ванне, а Ира, присев над ним и опираясь на края ванны, насрала ему на живот.

— Размазывай

Она стала размазывать говно по животу

— Сиськами — и он потянул её за плечи и прижав к животу стал елозить ею, тычась в неё хуем.

Подбородок и губы и нос у Иры были испачканы в говне.

— Я тоже хочу срать, помоги

Ира помогла Олегу встать на колени. Он опустился на руки — Ложись под меня

Ира лежала в ванне, головой к ногам Олега и под ним.

Олег опустил жопу на её грудь — Возьми титьку и тычь соском мне в жопу

Ира, обхватив левую грудь, стала тыкать соском Олегу в анус.

— Да, так — и он стал срать на грудь матери — говна было много, и оно воняло. Олег сдвинулся назад и наклал на лицо Ире. Она не успела сомкнуть губы и кал заполнил рот.

Олег, почувствовав это, опустил жопу на лицо Иры, зажимая ей рот — Ешь!

Ира глотала говно, стараясь не давить его языком: привкус был солоновато-влажной и жирной глины.

Он приподнял жопу — Вылизывай — она стала лизать — Всё вылизывай: и жопу, и яйца, и хуй — и Ира тщательно, как кошка, лижущая палец, когда подставляешь его, вылизала и всё говно, разбавленное слюной до состояния вонючей жижи — проглотила.

— Теперь вылазь и дай мне жопу.

Ира, вся уделанная говном, вылезла из-под Олега и стояла ожидая, когда он сядет.

Он взял её за бёдра и притянул к торчащему члену — Теперь сама.

Она натянулась жопой на хуй и еблась, стоя на полусогнутых ногах и держась за края ванны.

И через минуту он кончил, мыча и дёргаясь.

Олег сидел с закрытыми глазами, прислонившись спиной к ванне, а Ира обсасывала и облизывала хуй сына.

— Всё, теперь давай мыться.

Она, стоя над ним, поливала его из лейки, а Олег гладил её, щупал и больно щипал кожу на животе.

...

Прошло три недели и Олег уже сам мог одеться, обуться и выходить на улицу. Два раза они вместе сходили в магазин. Один, без помощи, ещё не мог ходить — кружилась голова.

Позвонили из поликлиники и сказали, что Олегу выписали талон на томографию головного мозга. Ира сходила в поликлинику и взяла талон, по дате на томографию надо было ехать через неделю. В регистратуре объяснили, что томографию нужно сделать для комиссии — медико-социальной экспертизы.

Вечером, когда они легли, Олег, спросил — Почему ты не сопротивляешься, когда я тебя ебу и издеваюсь над тобой?

— Но ведь это будет злить, а тебе нельзя злиться

— Хочу, чтобы ты сопротивлялась, хочу изнасиловать тебя

Ира молчала, не зная, что ответить.

— Что ты молчишь?

— Насилуй, я буду сопротивляться.

Олег сел на кровати, потом встал — Вставай — Ира тоже встала

— Встань на колени — Ира опустилась — На карачки — Ира встала

— Будешь катать меня — и он, встав над нею, опустился и сел на спину матери

И хотя Олег был на две головы выше Иры, но вес после ранения ещё не набрал, и она ползала на четвереньках по комнате, а он, переступая ногами, и наклонившись к её спине, щупал и мял груди матери и щипал за соски.

Потом он слез с неё и грубо, толчком в жопу, уронил мать на пол. Ира упала на живот и хотела встать, но Олег, опустившись на колени рядом, сел на неё и захватив волосы на голове матери правой рукой потянул на себя. Направляя хуй левой рукой, засунул в жопу и стал ебать. Голова была задрана вверх, было больно и трудно дышать. Олег, продолжая ебать мать в жопу, обхватил руками её за шею и стал душить. Ира задышалась и испугавшись, что сын задушит её, стала биться под ним. Но Олег, продолжая душить мать, продолжал и ебать её и, когда Ира, теряя сознание, захрипела — слил. Он отпустил её шею и, вытащив хуй из жопы, лёг рядом — Сядь надо мной, и дай мне жопу.

Ира глотала воздух открытым ртом и не могла глубоко вздохнуть. Голова кружилась, а перед глазами плавали желтые круги. Она встала на колени над Олегом и выставила жопу к его лицу. Олег притянул её и прижал губы к анусу — Соси там, а мне в рот давай сперму.

Ира сосала хуй сына и, напрягая живот, выдавила из жопы ему в рот слизь и сперму.

Олег потянул её к себе разворачивая и когда Ира повернулась к нему лицом, притянул за голову и, прижавшись к её губам, выпустил слюну, перемешанную со спермой и слизью в рот матери. Ира проглотила это.

Олег поднялся и лёг на кровать — И ты ложись, в душ утром пойдём.

Утром она мыла его в ванне, а он, засунув пальцы в пизду массировал её влагалище и щупал за титьки. Хуй стоял, и Олег захотел ебаться — Иди сюда — Ира залезла в ванну — Сюда, на

колени — она опустилась на колени и, придвинувшись коснулась лобком хуя.

Он держал мать за бока и смотрел в лицо, заглядывая в глаза — Натягивайся — Ира стала медленно оседать на хуй — Смотри мне в глаза — Ира взглянула в глаза сына.

Она еблась, приподнимаясь и оседая, чувствуя, как впиваются его пальцы в кожу и смотрела в глаза не мигая. У неё стали кривиться губы и у Олега тоже, рот непроизвольно растягивался в улыбку, и Олег тоже растянул губы в улыбку, Ира хохотнула и Олег тоже, и, вдруг, зашлась в истерическом смехе.

Они смеялись глядя друг на друга, всхлипывая, хватая ртом воздух и продолжая ебаться. Если бы кто-то услышал этот смех со стороны, то испугался бы; настолько он был искусственный, деланный, как будто хохотали роботы, а не люди.

У Иры сводило скулы и текли слёзы, но остановится она не могла и то же происходило с Олегом. Они смеялись, продолжая ебаться и впиваясь глазами друг в друга и постепенно смех перешёл в стоны, Ира почувствовала покалывание в кончиках пальцев и погрузилась в оргазм, насаживаясь на хуй сына она увеличивала темп и ускорялось дыхание и протяжные стоны стали отрывистыми и хриплыми. Олег уже слил, но она, ощутив пульсации уретры, возбудилась ещё сильнее и обхватив сына за плечи и прижимаясь к его груди всё еблась и еблась и не могла насытиться. Матка дёргалась, сокращая влагалище и она почувствовала, как налился и затвердел хуй и увеличилась головка и когда Олег слил второй раз она затихла. Обняв сына и положив голову на его плечо, она устало улыбалась. Олег стал отодвигать мать от себя и Ира, приподнимая жопу, снялась с хуя. Из влагалища выходил воздух, со звуком похожим на фырканье и капала сперма.

Главадесятая FRONTO-TEMPORAL DEMENTIA

(кому любопытно, сам переведёт)

Они сидели перед кабинетом врача, ожидая вызова, после обследования на томографе.

Ира ощущала дискомфорт, но вынуждена была терпеть.

Три дня назад, Олег, увидевший в порнофильме проститутку с пирсингом в области гениталий, попросил у неё золотые серёжки и, откусив кусачками кольца застёжек и, затупив острия, проколол губы и сделал ей пирсинг. И хотя он всё обработал перекисью водорода, губы припухли и покраснели.

Сейчас они зудились, но она не могла ни дотронуться, ни сходить в туалет, ожидая вызова врача.

Олег сидел рядом, опустив локти на колени и зажав между ладонями голову.

Ира коснулась его плеча — Болит?

Олег качнулся.

Головные боли появились четыре дня назад. Олег ложился на кровать и терпел, стиснув зубы. Ира, не зная, что нужно делать, предложила вызвать врача на дом.

— Не надо, Ира. Пройдёт.

Боль проходила; но после этого что-то творилось с сыном. Он звал мать и, подмяв под себя, грубо насиловал. И хотя это была игра, и она сопротивлялась, потакая ему, всё же ей становилось не по себе. Что-то в поведении сына изменилось: к извращённому сексу добавилась агрессивность. На руках, на груди, на животе и на бёдрах Иры появились синяки с кровоподтёками от его щипков.

Изнасиловав мать, Олег лежал на кровати, уставившись взглядом в потолок и совершенно индифферентный ко всему.

Ира уходила в ванну и долго и тщательно подмывалась. Выйдя из ванны и, намочив полотенце, шла к Олегу и протирала член и промежность, испачканные спермой и слизью из влагалища.

Через час Олег снова звал мать и всё повторялось. После второго акта он засыпал и, проснувшись через три часа, опять звал мать.

Утром, собираясь в магазин, глянула в зеркало: под глазами были чёрные круги.

...

Сергей Иванович Степнов, нейрохирург, врач высшей категории, просматривал результаты исследований на томографе.

Отложив карточку одного пациента, взял другую: Свиридов Олег Романович. Фото не было, но по верхнему полю надпись от руки, видимо в регистратуре: герой России, участник антитеррористической операции на Северном Кавказе.

Он просматривал сканы срезов головного мозга и один из них, в области височной доли, привлёк его внимание. Отложив снимок в сторону, просмотрел остальные и, не найдя в них отклонений от нормы, положил в общую стопку.

Изучив снимок, Сергей Иванович нахмурился.

Дверь открылась без стука и в кабинет вошла Ольга из регистратуры — Сергей Иванович, вот карточки пациентов, записавшихся на следующую неделю..

— Сергей Иванович — она двигала по столу карточки.

Он взглянул на неё — Аа, да, оставьте Оля, спасибо.

Ольга, поджав губы, вышла.

Сергей Иванович встал из-за стола, вышел из кабинета и, закрыв дверь, медленно, словно задумавшись, пошёл по коридору.

На банкетке у стены рядом с его кабинетом сидели двое. Ему хватило одного взгляда. Женщина миниатюрная и очень красивая с тёмными кругами под глазами. Молодой мужчина рядом: «Слишком близко сидит, значит родственники... брат и сестра? Не похоже». Но когда они взглянули на него, синхронно, как по команде, бросив взгляд из-под лобья, он удивился: «Мать и сын?».

Дойдя до регистратуры и, постояв в задумчивости, вернулся к кабинету.

— Свиридов — Олег выпрямился — заходите.

Сергей Иванович открыл дверь кабинета.

— Олег — Сергей помедлил, — можно на ты?

— Конечно — кивнул Олег.

Черты лица молодого человека, сидящего на стуле у стола, были правильные, но что-то в нём было неприятное.

— А почему ты не носишь награду?

— Зачем? — Олег помолчал — Какой я герой? Командир герой, он на прорыв шёл под пулями чехов... а мне просто повезло... что жив остался.

— Олег, у тебя серьёзное заболевание, опухоль в головном мозге. Опухоль операбельная и операцию нельзя откладывать.

Сергей держал в руках скан — Головные боли беспокоят?

— Ну, да... ранение же...

— Нет, я не об этом

— Четыре дня назад появились сильные боли — Олег поморщился и коснулся висков

— Сотрясение мозга в детстве?

— Да нет, не помню, вроде не было

— Дрался в школе?

— Было раза два — на лицо Олега набежала тень

— Олег, операцию нужно сделать как можно быстрее. Сегодня положим тебя в клинику и там сделаем все необходимые анализы. Ты как, готов?

Олег безразлично пожал плечами.

— Голова болит?

Олег вдруг осознал, что боль ушла — Ннет — и улыбнулся.

— Хорошо, значит договорились — он помолчал — позови маму

Олег был явно обескуражен

— Там в коридоре мама?

— Да

— А имя мамы?

— Ира — Олег дёрнулся и добавил — Ирина Алексеевна

— Позови маму и подожди в коридоре

Два коротких удара костяшками пальцев в дверь — Можно...

Сергей Иванович встал и тут же сел, опустив глаза — Присаживайтесь, Ирина Алексеевна Тёмные круги под глазами, проступавшие сквозь лёгкий слой теней, лишь усиливали холод и неприступность ледяного блеска изумрудов в её глазах.

Сергей вдруг заметил, как подрагивают пальцы правой руки, и поспешно убрал её со стола.

— «Боже, зачем мне это?» —

— Вы о чём?

Сергею стало жарко: он проговорил то, о чём подумал

— Сергей Иванович? —

Он обречённо вздохнул и поднял глаза

Она улыбалась и изумруды в её глазах излучали тепло.

Он взял скан в руки и, держа перед собой, спросил — Ирина Алексеевна, у Олега в детстве было сотрясение?

Улыбка сошла с её красивых чувственных губ.

— Да, в седьмом классе было небольшое — и добавила — Олег, наверное, и не помнит.

— Дело в том, что у него опухоль в области лобно-височной деменции..

В горле застрял ком, в носу защипало, а в уголках глаз набухали слёзы

— Ирина Алексеевна — Сергей Иванович сморщился, как от зубной боли — Ирина Алексеевна, вы не переживайте... будем оперировать... операция сложная, да, но методика отработана

Забрезжила надежда и она сдержала слёзы — А кто будет оперировать?

— Операцию буду делать я, в городской клинике... здесь я по совместительству, веду предварительный приём и консультирую.

— Олегу я уже сказал, что операцию откладывать нельзя... в общем, в клинику я хочу отправить его сегодня же

Он смотрел на неё, ожидая ответа

Она сглотнула, глыба льда в груди таяла, страх отступал

— Ирина Алексеевна, нужно ваше согласие

— Да — и она улыбнулась.

— Ирина Алексеевна — он смотрел на неё — я должен ещё кое-что сказать

Она коротко кивнула и замерла в ожидании.

— Дело в том, что опухоль в этой области головного мозга может не только причинять физическую боль, она может изменить поведение человека. Она разрушает слой социальной оболочки, которая сдерживает и подавляет в человеке проявление низменных, животных инстинктов — он взглянул на Ирину и осёкся..

Плотно сжатые губы женщины побелели от напряжения, а изумруды в глазах выцвели и тускло мерцали.

«Сказать, что всё, от начала и до конца, выдуманно — не поверят»

Глава одиннадцатая РЕМИССИЯ

Она лежала на кровати с закрытыми глазами, но не могла уснуть. С утра позвонил Сергей и сказал, что будет оперировать Олега. Ира хотела быть рядом с сыном или хотя бы в клинике во время операции, но Сергей уговорил её остаться дома и хорошенько выспаться. — Ирина Алексеевна — его голос не мог скрыть нежность, ей даже показалось, что он боится дышать, и она улыбнулась, смахнув слёзы.

— Ирина Алексеевна, я сразу же позвоню, как только операция будет закончена и... пришлю Антона за вами..

— Не надо, Сергей Иванович..

— Нет, даже не возражайте

Ира забылась в полудрёме и стала погружаться в сон и, как ей показалось, тут же зазвонил телефон

Подходя к журнальному столику, на котором стоял телефон, глянула время и удивилась — «я спала четыре часа?»

— Ирина Алексеевна — она стиснула трубку — Антон уже выехал за вами. Олег очень хорошо перенёс операцию, и я даже не стал переводить его в реанимацию. Думаю, что дня через четыре можно будет выписывать.

...

Прошло четыре месяца.

Олег прошёл повторное обследование. Сделали томографию. Ремиссии не было. Комиссия признала его полностью здоровым и сняла инвалидность.

Уже второй месяц, всё пытался устроиться на работу в городке. Он находил работу и его брали, но через две, три недели, увольнялся. И всё по одной причине: каждый раз встречался моральный урод, говоривший, что он не посылал это быдло воевать. Олег брал уroda за грудки, встряхивал и, сдерживая бешенство, цедил сквозь зубы — Ты в психушке отсиживался, когда мой друг и мой командир подорвались на растяжке, когда взвод положили на моих глазах — он разжимал кулаки — ну, так твоё место там.

После этого писал заявление и увольнялся.

За два месяца он обошёл все заводики городка и теперь сидел дома, не зная куда ещё пойти.

Ирина, после того, как стало ясно, что Олег здоров, ушла к Сергею и уже второй месяц жила с ним.

Олег дома жил один.

Он смотрел телевизор. В новостях, каждый час показывали репортажи про АПЛ «Курск».

Зазвонил телефон.

Олег снял трубку — Алло

— Олег, привет!

— Дядь Денис, здравствуй.

— Ну, как ты, работу нашёл, а то я Ирине позвонил, она даже не знает.

— Ищу, дядь Денис, пока без работы.

— Слушай, может пойдёшь ко мне, а то у меня текучка постоянно и частенько самому приходится выезжать на объекты.

— Дядь Денис, я даже не знаю, где ты работаешь?

— Ааа, мать не рассказывала. Я главный ассенизатор городка. Если моя служба встанет, хотя бы на пару дней, городок утонет в собственном говне. Короче, проблема в водителях на ассенизаторскую машину, мужики приходят всё алкаши и больше двух-трёх недель не держатся: или уходят в запой и тогда я сам сажусь за руль, и еду по объектам качать говно, или попадают пьяные за рулём и опять я сам, ну, ты понял... Алло, Олег?

— Я слышу, слышу дядь Денис. А зарплата у тебя вовремя и вообще какая?

— Зарплату в моём ведомстве выплачивают без задержек, ну, я уже говорил, что будет, если я забастую. Испытательный срок месяц, на испытательном сроке 3500 руб, а потом 5300 и премия каждый квартал. Ну, как?

— А я согласен, дядь Денис.

— Ну и хорошо, тогда давай, завтра и выходи, у тебя с правами всё в порядке?

— Да, я же в армии получил права.

— Тогда по рукам, записывай адрес моей конторы...

Вечером позвонила Ирина и Олег рассказал матери, что нашёл работу и уже завтра выходит. Ирина спросила — Денис звонил? Ты к нему на работу?

— Да, мам

— Ну и хорошо. Тебе привет от Сергея Ивановича, как ты?

— Да всё хорошо, мам. Передавай привет Сергею Ивановичу...

Испытательный срок прошёл, Олегу повысили зарплату. С дядькой ему было легко они даже подружились.

В тот день он ехал после работы домой.

Конец октября, было пасмурно, надвигалась зима. В автобусе, и он к этому уже привык, рядом с ним никто не садился, более того, его место по правому борту у передней двери никто не занимал, даже если в автобусе яблоку негде было упасть, и когда он на своей остановке входил в автобус, народ отжимался назад, а некоторые, не скрываясь, воротили свои рыла и прикрывали руками носы.

Олег только усмехался, вспоминая дядькины слова.

Автобус притормаживал, подъезжая к остановке. Следующая была его. Олег, вдруг, увидел в окно, как трое, видимо подвыпивших мужчин, вырывали из рук женщины в бежевом плаще, сумочку. Она отбивалась, как могла. Одному из нападавших это надоело и он, коротким тычком в лицо, сбил женщину с ног. В автобусе все, кто видел это — ахнули!

Автобус остановился и дверцы открылись. Олег выскочил, пассажиры прилипли к окнам, но больше не вышел никто. Два шага, и он отшвырнул одного, второго, а третий успел встать в боевую стойку. Олег сдёрнул с руки перчатку и швырнул ему в лицо, тот дёрнулся, закрываясь, получил удар в пах, согнулся и упал. С земли поднялись те двое, но, увидев третьего на асфальте, развернулись и побежали.

Олег подошёл к женщине и протянул руку. Женщина подняла голову — это была училка по литературе.

Олег помог ей встать и отряхнуть плащ. На левой щеке краснело пятно.

— Олег, прости меня — Ирина Архиповна закрыла лицо руками.

Олег вздохнул — Ирина Архиповна, вам далеко ехать?

— До конечной

— Автобус теперь придёт не скоро, здесь оставаться опасно — с земли поднимался сбитый им мужчина.

Олег подошёл к нему и встряхнул — Слышь, ты, на глаза мне лучше не попадайся — и толкнул в сторону убежавших дружков.

— Моя остановка следующая, давайте ко мне, отойдёте немного и я вызову такси.

— Олег, прости меня — она наконец взглянула в его глаза.

У Олега заныло в груди — «Не может быть» — подумал он.

— Ирина, можно на ты? — он отслужил, возмужал и возрастная грань между ними сместилась — пройдя через войну, теперь он и сам себе казался старше её.

— Да, Олег, да

— Ну, вот мы и пришли.

Они поднялись на площадку второго этажа, Олег открыл замок, они вошли в квартиру, и Олег закрыл за собой дверь.

Он помог ей снять плащ, разделся сам и провёл в комнату — Садитесь.

— Олег — она улыбнулась — мы же на ты

Ирина осмотрелась — Ты живёшь с мамой? Женат?

— С мамой, но она сейчас здесь не живёт. Нет, не женился. Мне надо переодеться.

Ирина встала — я выйду из комнаты, в туалет и руки сполосну.

Она вышла, Олег быстро переоделся в домашнее, а одежду, в которой ездил на работу, вынес на балкон.

Вернулась Ирина.

— Олег, у тебя есть вино, что-то меня трясёт, всё не могу никак успокоиться.

— Водка — он развёл руками

— Можно и водку, немного

— У меня вот только закусить нечем, мамы нет, готовить некому.

— Холодильник не пустой?

— Ой, что мы здесь то, идёмте на кухню.

Они прошли на кухню, Олег открыл холодильник — Яйца, сыр, молоко — он достал водку.

— Ты садись за стол, я сама приготовлю. Омлет будешь?

— Конечно!

Она быстро и умело приготовила омлет и, разложив по тарелкам, поставила на стол.

— Ну, что же ты — Олег сидел и наблюдал, нет, он любовался Ириной, и совсем забыл — достань огурчики и сыр нарежь.

Она взяла стопку — Олег — её глаза были на мокром месте — прости меня, я хотела тогда, сразу попросить прощения, но узнала, что ты в армии, прости Олег...

Олег держал стопку и ничего не говорил, только смотрел на женщину и крепился изо всех, к горлу подкатывал ком

Ирина прочувствовала его состояние и тихо спросила — Ты пишешь стихи?

— Да

— Прочти что-нибудь

Олег вздохнул — Хорошо, вот это, последнее, три дня назад...

Мой на краю и мой по краю,

Тебя, мой милый, познаю

Тебя, мой милый, я узнаю

Растает, словно тень в ночи,

Твоя любовь, моё признание,

Скажи мой милый, не молчи,

Душа томится ожиданием

Опять я сердцем слышу стон,

Сквозь плотно сомкнутые губы,

И опустевший вижу трон,

И, с потускневшей медью, трубы

Я разорву порочный круг

И отыщу тебя — другого,

Найду не сразу и не вдруг,

И, может быть, и не такого,

И не узнаю я в другом

Тебя, мой милый, не узнаю,

И станешь ты, полночным сном

Из прошлой жизни, знаю... знаю

Олег залпом осушил стопку и поморщился

Ира выпила глотками, поставила стопку и посмотрела на Олега — Я сейчас уревусь — и встала из-за стола — пора и честь знать, засиделась

Олег встал — Ира, может быть переночуешь у меня, я бы проводил тебя, доехал на такси с тобой, но я со смены, а отпускать тебя одну не хочу...

Она легко и сразу согласилась, сев за стол — Тогда давай ужинать!

Когда была вымыта посуда, они прошли в комнату

— Вот только кровать у меня одна, ну, я на полу

— Кровать большая, места хватит. Олег, ты выйди пожалуйста, я стесняюсь

Олег ушёл на кухню, Ира быстро сбросила с себя одежду и юркнула под одеяло — Олег!

Он зашёл в комнату, выключил свет, разделся и лёг рядом.

...

Ира не была девственницей, но и сексуального опыта у неё не было.

...

Ремиссия

Когда Олега привезли после операции домой, Ира не узнала его. Это был всё тот же Олег, её сын, но это был другой человек.

Они снова установили ширму, и Олег спал на полу.

Первое время ощущалась неловкость, и они избегали смотреть друг другу в глаза. Но, когда Ира стала встречаться с Сергеем Ивановичем, а потом и вовсе перебралась к нему, отношения между матерью и сыном стали теплее, издали любить легче и, постепенно, в эти отношения вернулась любовь: материнская и сыновья.

Сергей Иванович был внешне человек мягкий и покладистый. Но он был хирург, и нередко, во время сложных, многочасовых операций, возникали ситуации, когда решение нужно было принять за доли секунды, понимая, что ошибка может стоить пациенту жизни. И он принимал такие решения; внутри этого человека был стальной стержень. Но рядом с Ириной, сталь становилась податливым и пластичным золотом, и он понимал, она лепит его под себя.

Их отношения очень быстро перешли из стадии влюблённости в крепкие узы, связавшие двух людей навсегда.

Ирину поражала его невинность — У тебя были женщины, Серёжа?

— Да, была женщина

— Когда?

— В общажные времена, когда учился в универе

— И всё? И больше не было?

— Нет — он покачал головой

— А почему?

— Инернатура, потом аспирантура и кандидатская, потом врачебная практика, клиника, а теперь вот ещё докторская — он улыбнулся — на женщин времени не оставалось

Секс, поначалу, устраивал Ирину вполне, но через два месяца, она, вдруг, осознала: чего-то не хватает.

Несколько раз снился один и тот же сон: сексуальная оргия с деревенским дурачком. Она просыпалась и долго не могла прийти в себя; во сне всё было настолько натуралистично, что даже своды ныли от томления. И в один день, точнее, в одну из ночей она лежала на животе, а Сергей лежал на ней, совершая фрикции и ткнул головкой в мочевою, Ира сдержалась, чтобы не ойкнуть, но он снова ткнулся в мочевою, Ира сикнула и в ту же секунду нахлынул оргазм и, когда он, увеличив темп фрикций, несколько раз ткнулся головкой в мочевою — описалась!

Сергей кончил, не почувствовав, что произошло с женщиной, но, когда пятно мочи расплзлось из-под её живота, он коленом ощутил влажность простыни.

— Я описалась, Серёжа, прости — он слез с неё, и она сдвинулась на сухое место постели

— Это у тебя спастическое отделение, непроизвольное — он помолчал — ноо, вообще то нормой это не считается

— Я ненормальная?!

— Ира — он целовал её ноги — Ира, милая, прости, я...

Ира потянула его — иди ко мне, дурачок, я пошутила. Я описалась, но оргазм был и ощущения были ярче. Хорошо, что у тебя матрац отдельно, вынесем на балкон и всё выветрится. Теперь, раз такое произошло, нужно или клеёнку подстилать под простынь или на полу.

А через два дня у них был секс и всё повторилось, и оргазм у женщины был бурный, со стонами и криками. Сергея это возбуждало и, даже после того, как они откатывались друг от друга, у него ещё долго стоял. После того, как это случилось во второй раз, они стали заниматься сексом на полу.

На некоторое время сны с дурачком перестали сниться, но недели через две возобновились, и Ира предложила Сергею анальный секс.

Он согласился, только ради неё.

Но, испытав ощущения, стал и сам предлагать. Ира некоторое время сдерживалась, но потом стала выпускать газы — Серёж, говорила она со смехом, ты накачал меня воздухом.

И, однажды, она, перетерпев, обкакалась во время секса, испытав при этом сильнейший оргазм. На сей раз, Сергей, это заметил.

...

А, через два месяца... Сергей лежал на спине, Ирина сидела над ним и, тужась, какала, и опустившись, елозилась жопой, размазывая говно по груди и животу, потом ложилась, а он, стоя над нею поливал, вода членом из стороны в сторону, и она ловила ртом брызги золотого дождя.

Конец 10.02.16

Текст